
Глава 2. Насильно под венец

Под оглушительный грохот барабанов и пронзительный визг соны во все концы разнеслась весть: богатейшее семейство Цзяньнаня празднует свадьбу старшего молодого господина. О Лу Шэне в этих краях слыхали все. И дело было вовсе не в его выдающихся талантах или деловой хватке — куда больше досужих кумушек и простых зевак занимал один пикантный слух. С самого совершеннолетия молодой господин Лу наотрез отказывался смотреть на девиц. Сердце его, поговаривали, лежало исключительно к мужчинам.

Обычные бедняки и те сочли бы подобное несмываемым позором, но причуда поразила самый богатый дом в округе. Пять долгих лет родня — от мала до велика — изводила себя заботами, пытаясь наставить Лу Шэна на путь истинный. Старая госпожа Лу, его бабушка, плакала и умоляла на коленях, но внук стоял на своём твёрже кремня: ни одна женщина не переступит порог его спальни как законная супруга.

В конце концов старая госпожа сдалась. Страх, что любимый внук останется на склоне лет в одиночестве, победил гордость, и она решилась на неслыханное: сосватать ему мужа-супруга.

Терем Шуйсе на южной стороне поместья Лу построили совсем недавно — специально к свадьбе наследника. Роскошная резьба, тяжелая мебель из ценных пород дерева — всё здесь кричало о баснословном богатстве хозяев. На окнах и дверях алели вырезанные из бумаги иероглифы «двойного счастья». А внутри, за круглым столом, сидел Лу Шэн. Одетый в ярко-красное парчовое одеяние жениха, он казался удивительно красивым, но в его позе сквозила глубокая печаль.

— Молодой господин! — взволнованный юношеский голос нарушил тишину, и в комнату, запыхавшись, влетел слуга.

Сердце Лу Шэна пропустило удар. Рука, опиравшаяся на столешницу, заметно вздрогнула.

— От неё есть вести? Есть письмо?

Гуйсэн замялся, не зная, куда деть глаза. Лу Шэн скользнул взглядом по его пустым рукам. Молодой господин горько усмехнулся:

— Снова ничего... Что же ты молчишь, будто боишься меня расстроить? Пустое. Сам виноват, разгорелся глупой надеждой. Теперь уж точно всё кончено.

— Господин, но ведь мисс Тун могла просто не успеть отправить письмо! — горячо возразил

слуга. — Вдруг она уже на полпути в Цзяньнань? Подождите ещё немного, она обязательно вернётся! Она ведь так любит вас!

Спрятав осколки разбитого сердца поглубже, Лу Шэн вернул лицу привычное бесстрашие:

— Гуйсэн, между мной и мисс Тун... ничего нет. И никогда не было. Забудь эти глупости и больше не смей поминать её имя.

Он резко поднялся и направился к выходу.

— Но господин! — взмолился слуга, устремляясь за ним. — Даже если мисс Тун не вернулась, почему бы вам не признаться старой госпоже, что вам милы женщины? Зачем губить себя? Неужели вы и впрямь возьмёте в жёны мужчину?!

Лу Шэн не удостоил его ответом.

Глядя на удаляющуюся спину хозяина, Гуйсэн лишь сокрушенно вздыхал. Такой завидный жених, умница, красавец — и обречён делить ложе с мужчиной! А ведь как всё хорошо начиналось...

Когда Лу Шэну исполнилось восемнадцать, его отправили на учёбу за границу. Вместе с ним в далёкие края отплыла и Тун Цзяо, дочь почтенного господина Туна. Дома, скованные строгими приличиями, они едва смели смотреть друг на друга, но в чужой стране, вдали от родительских глаз, между ними вспыхнуло пылкое, всепоглощающее чувство.

Спустя пять лет пришла пора возвращаться. Лу Шэн уже лелеял мечты о том, как сразу по приезде зашлёт сватов к чете Тун. Но Цзяо-цзяо ехать отказалась. Мечты о музыкальной сцене закружили ей голову, и она умолила возлюбленного вернуться одному и немного подождать её. Так, пять лет назад, Лу Шэн ступил на родной берег в полном одиночестве.

Опасаясь пересудов, он не стал раскрывать семье их тайный уговор. Между ними не было ничего предосудительного, но Лу Шэн предпочитал держать свои чувства при себе. Шёл год за годом. Прошло два года, но Тун Цзяо так и не приехала. Письма становились всё короче и холоднее, приходя всё реже. Наконец Цзяо-цзяо добилась признания на чужбине, и мысль о возвращении на родину, в тихую гавань семейной жизни, стала казаться ей нелепой.

Родные Лу Шэна ничего об этом не знали. Из-за границы он вернулся двадцатитрёхлетним юношей — самое время вить собственное гнездо. Однако на любые разговоры о браке он отвечал лишь угрюмым молчанием. Когда ему исполнилось двадцать пять, терпение родственников лопнуло. Чтобы раз и навсегда избавить себя от назойливых свах и бесконечных смотрин, зажатый в угол Лу Шэн объявил, что женщины его не интересуют. С тех пор его оставили в покое.

Ложь сработала безупречно, но оказалась обоюдоострым мечом. Спустя ещё три года двадцативосьмилетний Лу Шэн так и оставался бобылём. Родня смирилась с его «порочным» пристрастием, но род Лу должен был продолжаться хотя бы формально. Старая госпожа Лу решила устроить свадьбу с женщиной, и от этого удара у Лу Шэна уже не было защиты.

Перед тем как дать согласие на помолвку, он отправил в Америку последнее, полное отчаяния письмо: «Семья настаивает на браке. Торжество назначено на двадцатое января. Если вернёшься — я расстрою свадьбу». Он не писал, что сделает, если она откажется, но смысл ультиматума был ясен без лишних слов.

И вот этот день настал. Ответа не было. Последняя искра надежды, теплившаяся в его израненной душе, окончательно угасла.

"Даже зная, что я женюсь на другом, ты не пожелала вернуться? Что ж... пусть так". Лу Шэн умел любить — преданно, глубоко и долго. Пять лет он берёг верность той, что осталась за океаном. Но верность не означает рабство, а у его терпения тоже имелся предел. У него была гордость, которую он не собирался швырять под ноги эгоистичной девице. Раз так — их пути разошлись навсегда.

Лу Шэн расправил плечи и шагнул за ворота усадьбы, где его уже ждал пышный свадебный кортеж.

Богатейший дом Цзяньнана справляет свадьбу, да не простую, а берет в дом мужа-невестку! С самого утра улицы гудели от пересудов и едких насмешек. Лу Шэн взмыл в седло гнедого жеребца и с ледяным равнодушием оглядел толпу зевак, тыкавших в него пальцами. На его празднике тоже звучал смех, но это был ядовитый, издевательский смех толпы, жаждущей дешёвого зрелища.

Он крепче сжал поводья, направляя коня вперёд. Путь лежал на окраину города, к жалкой лачуге суженого.

Семенивший следом Гуйсэн провожал господина полным тоски взглядом.

"Ах, молодой господин... Ну к чему эта гордыня? Даже если мисс Тун разбила вам сердце, зачем губить жизнь этой нелепой свадьбой назло ей? Великая любовь обернулась великой жестокостью. Только кого вы наказываете — её или самого себя?"

Под пронзительный вой соны и треск взрывающихся петард процессия остановилась у полуразвалившегося дома. Из дверей, поддерживаемый под руки свахами, показался «новобрачный». На нём было праздничное красное одеяние, а голову, хоть он и был мужчиной, скрывало плотное алое покрывало невесты. Толпа зевак взорвалась улюлюканьем. Мужчины кривились от отвращения, бабы бесстыдно гоготали, а добропорядочные мамыши поспешно закрывали ладонями глаза своим сыновьям. Считалось, что даже мимолётный взгляд на это непотребство навлечет беду и испортит мальчишкам нрав.

Внутри красного шелкового покрывала Се Нань задыхался от жара. Сознание возвращалось к нему урывками — тело ломило от лихорадки, а в желудке, пустующем уже три дня, гулял сквозняк. Его бесцеремонно тащили, дергали за руки, водрузили на голову душную ткань и впихнули в тесный свадебный паланкин. Выбившись из сил, Се Нань провалился в тяжелое забытие, так и не поняв, в какой кошмар его втянули.

О своём будущем супруге Лу Шэн знал немного. Да и слово «женитьба» здесь едва ли подходило — скорее уж «покупка». Семья Лу заплатила за парня щедрый выкуп, который для богатейшего дома был сущим пустяком. Никаких чувств к безвестному бедняку Лу Шэн не испытывал. Ему нужен был лишь статист, готовый безропотно носить клеймо его супруга.

Так, двадцатого января, под завывание праздничных флейт, судьбы двух мужчин сплелись воедино. Один спал в бреду, другому было всё равно.

— Налетай, честной народ! У семьи Лу сегодня праздник, никто без угощения не останется! — нарядно одетые служанки весело сновали в толпе, раздавая пригоршни свадебных сладостей из плетёных корзин. Такова была воля старой госпожи.

У парадного входа в усадьбу Лу застыли величественные каменные львы — немые свидетели могущества и богатства рода. Тяжелые дубовые ворота были распахнуты настежь. От самого порога до главного зала тянулась роскошная ковровая дорожка глубокого алого цвета. Внутри уже собрались многочисленные гости, с нетерпением ожидая прибытия новобрачных.

Почтенная матрона вошла в зал, опираясь на руку служанки. Седые волосы старой госпожи Лу были уложены в строгую причёску и заколоты тремя нефритовыми шпильками. На ней была богатая теплая кофта цвета спелой вишни, шею украшало тяжелое ожерелье из сердолика, а на запястьях тускло поблескивали браслеты из чистейшего жадеита. В её облике сквозило величие ушедшей эпохи.

— Приветствуем старую госпожу!

— Долгих лет вам, матушка Лу!

— Поздравляем с торжеством!

Гости один за другим поднимались со своих мест, почтительно кланяясь и вытягивая руки в приветственных жестах. Лу Лао-фужэнь была легендой Цзяньнана. Рано овдовев, эта железная женщина сумела не просто выжить, а поднять на ноги троих сыновей и многократно преумножить семейное дело. Младшие её ветви давно обзавелись семьями, и лишь старший внук, надежда и опора дома, до последнего противился браку. Но сегодня и этот узел наконец завязался.

— Матушка, присядьте, — вторая невестка, Ю Вэньцзин, облаченная в традиционную шелковую юбку, поспешила подвести свекровь к почетному креслу. Рядом с ней стоял её супруг, второй молодой господин Лу Чэн — благообразный, книжного вида мужчина в нарядном маньчжурском полукафтани-магуа. Оба они строго придерживались старых обычаев.

По правую сторону расположился третий молодой господин Лу Шан со своей супругой Цай Я. Будучи людьми новой эпохи, они оделись в западные костюмы: он — во фрак, она — в изящное светлое платье. Рядом с ними они казались сошедшей с журнальной картинкой парой.

Чуть поодаль, в пышном розовом платье западного кроя, сидела кузина Бай Цзы. На её некогда прелестном кукольном личике застыла обида, смешанная с глубоким разочарованием. Старая госпожа Лу лишь тихо вздохнула, глядя на неё. Любовь Сяо Цзы к старшему брату не была секретом ни для кого в доме. Но Лу Шэн оставался холоден как лед. Видно, судьба распорядилась иначе.

"Раз уж Шэнэр питает слабость к мужчинам, я не в силах его переделать, — размышляла Лу Лао-фужэнь, усаживаясь на резной стул. — Но раз этот парень входит в наш дом как муж-невестка, мне придётся вышkolить его как следует. Иначе как я смогу доверить ему заботу о внуке до конца дней?"

При этой мысли в глазах старой госпожи блеснула холодная решимость. Она выпрямила спину, явив гостям такую бодрость духа, которой позавидовали бы и молодые.

— Благодарю вас, дорогие гости, за то, что поделили с нами радость этого дня, — звонко произнесла матрона. — Прошу вас, не стесняйтесь, угощайтесь на славу. И пусть дружба между нашими домами крепнет с каждым годом!

— Верно сказано, старая госпожа! За ваше здоровье! — зал взорвался аплодисментами и дружным смехом.

Визг соны нарастал, у ворот оглушительно затрещали петарды — свадебный кортеж прибыл. Старая госпожа удовлетворенно прищурилась. Младшие сыновья с невестками подались вперед, а гости с нескрываемым любопытством уставились на порог.

Лу Шэн спешил и взял в руку конец красной шелковой ленты, другой конец которой предназначался невесте. Но из паланкина никто не выходил. Сваха, натянуто улыбаясь, бесцеремонно распахнула шторку и, не заботясь о приличиях, буквально вытряхнула парня наружу.

От слабости у Се Наня подкашивались ноги. Не успел он опомниться, как в ладонь ему силой вложили скользкую шелковую ленту и поволокли вперед. Он попытался приподнять душную ткань с лица, чтобы осмотреться, но его тут же наотмашь шлепнули по запястью. Боль отрезвила его. Сквозь лихорадочный бред проступило четкое понимание: дело дрянь. Он тупо уставился на красную ленту в руках, совершенно не соображая, как здесь очутился.

— Переступить через жаровню! Прочь, невзгоды и скверна! — пронзительный, визгливый голос свахи заставил Се Наня вздрогнуть. В спину ощутимо толкнули, и он, покачнувшись, едва не упал лицом в горящие угли, но всё же перешагнул через медный таз.

"Да что происходит?!" — паника холодным узлом сжала грудь. Ведь он просто шёл на свидание вслепую... Ну да, провалился в открытый люк. Но не в логово же безумных сектантов! И тут в памяти всплыло невероятное, абсурдное слово — трансмиграция. Душа его переселилась в другое тело.

Красная лента натянулась, увлекая его за собой. Сквозь узкую щель под алым шелком Се Нань видел лишь мелькание чужих ног — кто в матерчатых туфлях, кто в лакированных штиблетах. Со всех сторон доносились смешки, шепотки и издевательские остроты. Се Нань не выдержал. Наплевав на карауливших его баб, он рванул край покрывала вверх.

В зале поднялся гул. Гости так и застыли с открытыми ртами, разглядывая дерзкого новобрачного.

— Где... где я? — прохрипел Се Нань, озираясь по сторонам. Вокруг высились резные колонны, а люди были одеты точь-в-точь как персонажи старых фильмов о Китайской Республике. От обилия кричащего красного цвета зарябило в глазах. Он опустил взгляд на собственные рукава — на нём тоже был свадебный наряд. — Да что здесь происходит?! Кто вы такие...

— Свадебный обряд не завершён. Накрой голову, — раздался впереди холодный, бархатный мужской голос.

Се Нань проследил взглядом за натянутой лентой и уперся глазами во второго жениха. Осознание накрыло его ледяной волной.

— Постойте! Вы всё перепутали! — он брезгливо отшвырнул ленту. — Я вас знать не знаю! Мы не можем...

— Благоприятный час настал! Невеста, жених, поспешите к алтарю предков! — запричитала сваха, заметив гнев старой госпожи. Она незаметно кивнула двум дюжим бабам из челяди. Те сноровисто подскочили к Се Наню: одна наотмашь набросила алый шелк ему на голову, вторая сжала его пальцы на ленте, и в четыре руки они поволокли упирающегося парня к алтарю.

В голове Се Наня взвыла сирена. Его насильно выдают замуж! За незнакомого мужика! Это безумие нужно было остановить здесь и сейчас. Он рванул, силясь сбросить покрывало, закричать, вырваться из мертвой хватки прислужниц.

Но куда там — деревенские бабы держали его как в тисках. Стоило ему открыть рот, как сзади навалился тяжелый запах пота, и чья-то мозолистая рука бесцеремонно запихнула ему в рот тугой кляп. Всё это происходило прямо посреди праздничного зала, на глазах у десятков гостей. Все прекрасно видели насилие, но никто и пальцем не пошевелил. Свадьба богачей

была слишком хорошим развлечением, чтобы портить её глупой жалостью.

Старая госпожа Лу прищурилась и холодно уронила:

— Завершайте обрядовые поклоны. Отныне он — законный муж-невестка семьи Лу.

Сваха подобострастно закивала. Мнение самого безвестного бедняка никого здесь не волновало. Главное — довести ритуал до конца.

"Нет! Отпустите! Я не согласен!.." — истошно кричал в мыслях Се Нань, но из горла вырывалось лишь жалкое мычание. Его резко ударили под колени, заставив рухнуть. Затем его грубо прижали за затылок, силой вбивая лицом в холодные доски пола. Спина гнулась помимо воли под весом дюжих баб.

— Поклон супругов друг другу! Обряд завершен! — зычно провозгласил ведущий. — Отправить молодых в опочивальню!

Се Наня бесцеремонно оттащили в спальню. Опасаясь, что строптивый новобрачный натворит глупостей, служанки намертво связали ему руки и ноги прочными конопляными веревками, а кляп во рту затянули еще туже.

"М-м-м! М-м-м!" — мычал Се Нань, безуспешно дергаясь на кровати.

"Развяжите! Это похищение! Вы нарушаете закон!"

— Ой, молодая госпожа-невестка, поберегли бы вы силы, — ехидно ухмыльнулась сваха, поправляя на нём сбившиеся красные одежды. — Ночка-то предстоит долгая. Хе-хе-хе... Ну, мы пойдём. Совет вам да любовь со старшим молодым господином, живите дружно до седых волос!

Сваха оказалась достаточно смыслёной, чтобы не пожелать им кучи детишек — всё-таки понимала, что двое мужчин наследников не родят.

Покачивая пышными бедрами, сваха выскользнула за дверь и тут же испуганно отшатнулась, едва не вскрикнув от неожиданности. Прямо перед ней, опираясь на руку юной служанки, стояла сама Лу Лао-фужэнь.

— Старая госпожа! — заискивающе зачастила сваха, прижимая ладони к груди. — Будьте покойны, мы его связали по рукам и ногам. Теперь из этой комнаты и муха не вылетит.

Матрона задумчиво посмотрела на резную деревянную дверь и коротко кивнула:

— Хорошо. Ступай к управляющему, заслужила свою награду.

— Благодарствую, старая госпожа! — расплылась в улыбке баба и поспешила прочь.

У дверей спальни повисла тишина.

— Сяо Цзюй, — негромко позвала пожилая женщина.

— Да, старая госпожа.

— Этот старший муж-невестка оказался с характером. Боюсь, добром договориться не удастся, — в голосе матроны проступила сталь. Отец этого мальчишки взял у семьи Лу огромные деньги, так что сыну придётся отрабатывать долг сполна. Взять серебро и сбежать? Нет, в этом мире так дела не делаются.

Сяо Цзюй мгновенно поняла намёк:

— Не извольте беспокоиться, старая госпожа. Всё необходимое уже готово. Уверяю вас, первая брачная ночь молодого господина пройдёт как надо.

Лу Лао-фужэнь удовлетворенно прикрыла глаза:

— Наконец-то... Мой Шэнэр теперь при муже.

<http://bllate.org/book/20305/2115373>